

9179

ДОБРО

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Редація: С.-Петербургъ, Захарьевская, № 23.
Цѣна подписки на годъ: **пять рублей** съ пересылкою и доставкою.

Для иногороднаго духовенства, народныхъ учителей сельскихъ школъ, и для учащихся въ какомъ нибудь учебномъ заведеніи, цѣна подписки на годъ **три рубля 50 коп.** съ пересылкою и доставкою.

Цѣна № 40 коп.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Беллетристика: романъ, повѣсти, рассказы, дневники, стихотвореніе. Лѣтопись добрыхъ дѣлъ въ Россіи. О дѣятеляхъ «Добра».

Редація открыта цѣлый день.
Редакторъ принимаетъ ежедневно до часа, и вечеромъ отъ 6 до 7½ часовъ.

СОДЕРЖАНІЕ. Стихотвореніе Потретамиъ пріятелей.—Лѣтопись.—Воспоминанія о Федорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ.—Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ.—Ночь въ 5 этажѣ. Разсказъ С. Чувашина. — Записки Грудинкина. Б—вина. — Княгиня Лиза. Продолженіе романа «Женщины петерб. больш. свѣта». Кн. В. Мещерскаго.—Объявленія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Всѣхъ ищущихъ уроковъ или письменныхъ занятій для существованія, Редація помѣщаетъ въ журналѣ „ДОБРО“ бесплатно, съ отвѣтственностью за ихъ истину.

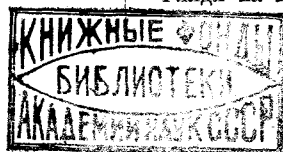
Потретамиъ пріятелей.

Люблю васъ, спутники нѣмые,
Друзья моихъ текущихъ лѣтъ,—
Вы, старцы, строгіе, сѣдые
Что вокругъ меня какъ на совѣтъ
Собрались мудрое рѣшеніе
Спокойнымъ взглядомъ говорить,—
И вы, чье Фебъ успѣлъ мгновенно
Въ глазахъ задумчивымъ схватить,
Лѣтъ молодыхъ и безшабашныхъ
Весеннихъ праздниковъ друзья,
Годовъ безумныхъ и безстрашныхъ
Живая лѣтопись моя!

Люблю, васъ, сердцу дорогіе,
Вашъ неизгнѣнной мысли взоръ
Мнѣ говорить, что вы, живые,
Со мной ведете разговоръ
Про жизнь мою, про все бывшее,
Про все, что скрыто въ глубинѣ
Души моей, мое родное,—
Плодъ тайныхъ думъ наединѣ,
Что вамъ повѣданы душою
Какъ исповѣдникамъ святымъ.
Всегда мои, и предо мною,
Вы даже къ глупостямъ моимъ
Ни разу не бывали строги,
И молча смотрите на нихъ,
Не какъ молва, и не какъ боги,
А какъ друзья, безъ мыслей злыхъ,
Безъ словъ холоднаго укора,
И безъ усмѣшки ледяной,
Но съ лаской севозъ упрёки взора,
Молвы дороже мнѣ людской.
И глядя въ васъ, я мыслю свѣло,
Я говорю себѣ, что вамъ
Какъ мнѣ, до свѣта что за дѣло!
И съ вами все по длиннымъ днямъ,
Съ перомъ въ рукахъ, и надъ работою
Лѣнивой мысли, я живу
Съ любовью къ жизни, и съ охотою,
Глядя на васъ, какъ на яву.

Ко.

1

7304

Сахалинъ въ 1880 году. Такимъ образомъ, несчастный мальчикъ Дмитрій Чубуновъ, круглый сирота, остался на островѣ на произволъ судьбы, въ средѣ каторжныхъ арестантовъ. Къ счастью, этого мальчика нашелъ добрый человѣкъ, принявшій въ немъ искреннее, чистое родительское участіе.

Вскорѣ послѣ убіенія матери Чубуновой, на островъ Сахалинъ пришелъ во второй разъ съ арестантами пароходъ „Нижній-Новгородъ“. Старшій инженеръ-механикъ этого парохода, Павелъ Ивановичъ Варезниковъ, самъ человѣкъ небогатый, женатый и семейный, имѣющій двухъ дѣтей, желая спасти сироту-мальчика Дмитрія Чубунова изъ ужасной среды каторжнаго населенія, изъявилъ готовность взять его немедленно къ себѣ, съ тѣмъ, чтобъ усыновить его. Онъ привезъ его сюда и отдалъ на воспитаніе въ лучшій изъ частныхъ пансіоновъ въ Николаевѣ, въ пансіонъ Огнева. Говорятъ, мальчикъ съ замѣчательнымъ рвеніемъ принялся за ученіе, оказывая отличные успѣхи.

ВОСПОМИНАНІЯ

о

Федоръ Михайловичъ Достоевскій.

Десять лѣтъ не простаго знакомства, а самой искренней дружбы съ Федоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ даютъ мнѣ не то что право, а какъ бы уполномочіе и, въ то же время, потребность, подѣлиться съ читателями такими воспоминаніями о немъ, которыя могутъ имѣть живой интересъ для каждого, и кое-что прибавить для обрисовки этой свѣтлой личности, нами оплакиваемой.

Странно сказать, но думаю, что это вѣрно: въ ту пору, когда я познакомился съ Федоромъ Михайловичемъ, въ тѣсномъ кругу его литературныхъ и жизненныхъ друзей, ничего не

было похожаго на Федора Михайловича послѣднихъ лѣтъ его жизни.

Личность его была все та же, душа все та же, но отношенія къ жизни, къ обществу, къ свѣту, такъ сказать, были совсѣмъ другія. Онъ былъ уже въ ту пору авторомъ своего *chef d'oeuvre*; „Преступленіе и наказаніе“ уже было напечатано, уже было прочитано десятками тысячъ лицъ съ какимъ-то мучительнымъ упоеніемъ и восторгомъ; но общество, посреди котораго въ Петербургѣ жилъ Достоевскій, ни въ какихъ не было къ нему отношеній. Онъ былъ платонически и фиктивно любимъ тысячами, а самъ жилъ почти въ уединеніи, въ своей семьѣ, и, какъ я сказалъ, въ тѣснѣйшемъ, маленькомъ кружкѣ давнишнихъ пріятелей.

Около того времени, когда образовался нашъ крошечный литературный кружокъ для изданія „Гражданина“, познакомился я на одномъ маленькомъ квази-литературномъ вечерѣ съ Ф. М. Достоевскимъ.

Процедура знакомства съ нимъ каждая, какъ я увидѣлъ это послѣ, имѣла одинаковый для всѣхъ характеръ.

Была складка на переносицѣ у покойнаго, которая какъ разъ въ ту минуту образовывалась, когда онъ протягивалъ руку въ первый разъ человѣку, и все лицо его вдругъ принимало, подъ вліяніемъ этой складки, что-то угрюмое, не то недовѣрчивое, не то непривѣтливое; это лицо какъ будто говорило: „кто вы, да откуда, зачѣмъ мнѣ васъ, какой вы еще человѣкъ?“—словомъ—говорило, что ему будто непріятно всякое новое знакомство.

Потомъ усадемся.

Нѣсколько времени Федоръ Михайловичъ или говорилъ съ другими, поглядывая на васъ искоса, чтобы изловить въ васъ что нибудь, или ничего не говорилъ, будто не въ духѣ, и слушалъ, и все-таки, отъ времени до времени, поглядывалъ на васъ. Вы чувствовали, и не могли не чувствовать, что съ минуты, какъ познакомились съ нимъ, вы находитесь подъ

его вопросомъ: „что вы за человѣкъ такой“?

Потомъ, часъ или два спустя, его взглядъ какъ будто привыкалъ къ вашей для него новизнѣ; лицо становилось у него менѣе хмурымъ; складки на переносицѣ появлялись рѣже; рѣчь его становилась менѣе отрывистою, менѣе рѣзкою и нервною, менѣе неохотною, такъ сказать, и вы входили въ ту сферу отношеній къ нему, когда отъ вашей личности зависѣло произвести на него то или другое впечатлѣніе. Что же это значило?

* *

А значило это вотъ что: о пустякахъ при Ѳедорѣ Михайловичѣ, сколько я помню, не говорилось; а такъ или иначе, тамъ, гдѣ онъ былъ, говорилось о вопросахъ жизни, или литературы, то есть о такихъ вопросахъ, гдѣ надо было прямо или ковенно высказаться. Такимъ образомъ, все зависѣло отъ того, какъ выскажешься. Сворачивался судъ надъ вами. Боже упаси, сказать пошлость, сказать неискренность; конечно, тогда вы раздражали съ перваго раза Ѳедора Михайловича своею пошlostью и въ особенности своею ложью, и не думать уже вамъ о сближеніи съ нимъ.

Я лично, при первомъ свиданіи съ нимъ прошелъ всѣ эти ступени, и, должно быть, пережилъ ихъ благополучно, ибо мы тотчасъ же сошлись, и стали уже видѣться. Но, признаюсь, я, живо помню мои ощущенія—именно страха, страха его неумолимо проникающаго въ васъ взгляда, страха его складки на переносицѣ, страха его громаднаго ума и глубокой души, видящей гораздо болѣе, чѣмъ то, что показывается.

Время, въ которое мы познакомились было богато вопросами, требовавшими въ разговорѣ отвѣта: какъ исповѣдуешь ты это, и какъ это? Не забуду какъ послѣ втораго уже свиданія съ Ѳедоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ, я, перебирая всѣ испытанныя впечатлѣнія, съ искреннею, чистою радостью, а можетъ даже и съ гордостью припоминалъ доказательство въ

его словахъ того, что въ этомъ вопросѣ, и въ другомъ, и въ третьемъ мы думали одинаково.

Такъ и вспоминались его: „ну, ну, ну“; слово это онъ говорилъ ее съ добродушною улыбкою, означавшею, что онъ слушаетъ васъ со вниманіемъ, и съ добрымъ расположеніемъ въ душѣ; въ нихъ слышался добрый учитель, снисходительно принимавшій къ себѣ въ душу ученика, и разъ услышишь это: „ну, ну“ приходишь въ восхищеніе именно потому, что можешь слушать его и самъ говорить, уже безъ всякихъ опасеній.

Здѣсь и теперь неудобно говорить объ образѣ мыслей и взглядахъ Ѳедора Михайловича. Вопросы эти слишкомъ деликатны и слишкомъ подходятъ къ области политики, а постараюсь я только говорить о томъ, что не дастъ повода къ возбужденію жгучаго вопроса о той или другой партіи.

* *

Сколько я помню, Ѳедоръ Михайловичъ въ то время писалъ свои Бѣсы? Когда онъ писалъ романъ, онъ бывалъ оживленнѣе, чѣмъ въ то время, когда только приготовлялся что нибудь писать. Когда онъ писалъ романъ, у него былъ двойной, такъ сказать духовный міръ: весь пережитый и добытый жизнью богатѣйшій міръ мыслей, чувствъ, и коренныхъ убѣжденій, и затѣмъ весь духовный міръ его романа, со всеми мыслями, и побудительными причинами къ образу мыслей его героевъ. Едва онъ начиналъ говорить, онъ недолго оставался просто Достоевскимъ, а очень скоро переходилъ въ одного изъ мыслителей своего романа, говорящаго про тотъ или другой общественный вопросъ страстно и проникновенно.

„Слушайте, слушайте“, начиналъ обыкновенно Ѳедоръ Михайловичъ, свое вступленіе въ область какого нибудь серьезнаго, занимавшаго вопроса; „я вамъ вотъ что скажу“, говорилъ онъ затѣмъ; потомъ тотчасъ же схватить себя рукою за голову, какъ будто разомъ столько приходило въ его голову мыслей, что ему

было трудно именно начать. Весьма часто вслѣдствие этого, онъ прибѣгалъ къ самому оригинальному способу выражать свои мысли, а именно онъ начиналъ тогда говорить съ конца, съ вывода такъ сказать изъ нѣсколькихъ, самыхъ отдаленныхъ, самыхъ сложныхъ сплетеній мысли, или же скажетъ первую мысль, главную, а потомъ откроетъ скобки, и начнетъ говорить о придаточномъ, объясняющемъ, или о пришедшемъ въ голову кстати или по поводу. Трудно было съ перваго раза не поддаться именно чарующему впечатлѣнію его всегда прямого приступа къ предмету; онъ какъ то ярео начиналъ тогда говорить; и затѣмъ я любилъ его образъ говорить, точно по вдохновенію, или по наитію. Это внезапное наитіе такъ было сильно въ немъ, что оно какъ будто чувствовалось не только въ немъ, но вокругъ него; вы слушаете, и вамъ кажется, что въ васъ входитъ частичка воздуха наполненнаго этимъ внезапнымъ вдохновеніемъ.

* *
* *

Бывали минуты, но очень рѣдкія, когда на Федора Михайловича находило особенно веселое настроеніе духа. Тогда нѣчто, какая-то оиятъ-таки складка на его лицѣ, придавала его умной фізіономіи, что-то вопросительное, что то менѣе сосредоточенное, что-то если можно такъ выразиться, среднее между игривымъ и шаловливымъ. Обыкновенно тогда онъ бывалъ остроуменъ, и любилъ увлекаться комическими и самыми невѣроятно фантастическими образами и догадками изъ сферы, однако, дѣйствительной жизни.

Это богатство мыслей, это богатство образовъ для каждой изъ нихъ, эта безпредѣльность области для полета его воображенія и его фантазіи были разумѣется прежде всего духовными свойствами его даровитой натуры великаго художника, и глубокаго психолога, но кромѣ того они происходили и отъ того, что врядъ-ли кто либо столько читалъ сколько Федоръ Михайловичъ. Потомъ уже я узналъ

отъ него самаго, и отъ другихъ, что первые годы своей юности а затѣмъ и въ Сибири Федоръ Михайловичъ все читалъ и только читалъ. Онъ мало видѣлся съ людьми; онъ сторонился отъ нихъ, и только любилъ бывать въ книгахъ. Память у него не смотря на болѣзнь чисто нервную, у него не слабѣла никогда, и все читаемое, начиная съ романовъ Бальзака и кончая новѣйшими философами—реалистами, во всѣхъ литературахъ онъ помнилъ, и при случаѣ приводилъ на память въ разговорѣ ссылаясь на читанное лѣтъ десять, двадцать назадъ. Онъ запоминалъ все художественное, и все оригинальное, и самымъ неожиданнымъ образомъ вдругъ воспроизводилъ предъ вами цѣлаго писателя, съ своими собственными смѣлыми и живописными комментаріями.

Въ то же время Федоръ Михайловичъ страстно любилъ читать газеты. Газеты были его стимуломъ такъ сказать страстно по фактамъ изучать, изслѣдовать, разбирать до тонкости эпоху. Онъ принадлежалъ къ числу *умѣвшихъ* читать газеты, и какъ въ разговорѣ онъ всегда подхватывалъ то есть умѣлъ подхватывать интересное, такъ и при чтеніи газетъ, онъ всегда ловилъ *характерное*, записывая себѣ въ память, какъ матеріалъ для какого нибудь размышленія послѣ.

* *
* *

Съ того года, когда имѣлъ счастье сблизиться съ Федоромъ Михайловичемъ, по настоящее время, когда имѣлъ безмѣрное несчастье лишиться учителя и друга, рѣдкаго, какъ рѣдко бываетъ полное счастье, я долженъ сказать, что не встрѣчалъ человѣка, столько полного участія къ жизни, такъ полно жившаго своимъ временемъ, какъ онъ. Онъ жилъ съ священнымъ огнемъ, съ какою-то жаждою къ жизни фанатичною, и всегда неутомимою. Я не помню въ эти десять лѣтъ минуты, когда бы я его увидѣлъ утомленнаго жизнью, или разочарованнаго, или унылаго; я не помню слова его, въ

которомъ бы, такъ или иначе, сказалося бы что нибудь походящее на слова: «не стоять, Богъ съ ними» и т. под. Все для него стоило жизни, стоило мысли, стоило чувства, и ни про кого, ни про что онъ не могъ говорить: «Богъ съ ними», потому что всегда онъ хотѣлъ самъ быть со всѣми. Ѳедоръ Михайловичъ не зналъ, вслѣдствіе этого, двухъ вещей: хладнокровія, и терпѣнія духовнаго, относившагося къ событіямъ русской и мірской жизни. Онъ жилъ огненно, горячо, лихорадочно интересуясь жизнію, и, слѣдовательно, не могъ относительно ея даже постигнуть хладнокровіе. Иногда даже видъ хладнокровнаго человѣка въ судѣ надъ событіями — его выводилъ изъ себя. Настоящее его никогда не удовлетворяло; ему всегда нужно было страстно приподнимать то здѣсь, то тамъ край завѣсы, прикрывавшей будущее, и связывать настоящее съ будущимъ, надъ которымъ онъ огненно гадалъ. Его живо интересовалъ человѣкъ будущаго, какъ представитель мысли, и онъ по часамъ бесѣдовалъ съ этимъ будущимъ человѣкомъ, анализируя его вѣроятныя мысли, и побудительныя причины къ тому или другому взгляду на порядокъ вещей. Онъ любилъ пророчествовать, и иногда даже сердился на того или на тѣхъ, которые, по духу его пророчества, должны были непременно сдѣлать то-то во вредъ Россіи и ея народу.

Среди богатства мыслей, съ которыми постоянно жилъ Ѳедоръ Михайловичъ, у него всегда, даже ежедневно бывали, такъ сказать, увлекавшія его идеи, порывы мысленные въ известную минуту, которые онъ высказывалъ вдругъ, и часто переносилъ въ область своего романа, когда эти главныя мысли рождались въ немъ пока онъ писалъ какой нибудь романъ.

Оттого онъ любилъ порывы мысли и въ другихъ. Внезапная мысль ему, высказанная, его плѣняла, его заинтересовывала, и онъ отдавалъ ей все свое вниманіе. У него бывали

любимыя мысли, и онъ любилъ любимыя мысли въ другихъ. Такъ проходило время или вѣрнѣе, такъ проходила жизнь Ѳедора Михайловича; отъ одной любимой мысли до другой, какъ народъ, живетъ отъ одного святаго до другаго.

* *

Откуда же брались эти любимыя мысли?

Брались онъ изъ его никогда не знавшей отдыха мысли надъ русскою жизнію.

Если послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ близкаго знакомства съ Ѳедоромъ Михайловичемъ, мнѣ случалось думать о народномъ, о русскомъ человѣкѣ, невольно предо мною являлся образъ Ѳедора Михайловича. Съ той поры я не зналъ полнѣе образа или символа для выраженія человѣка своего народа. Не знаю, ясно ли выразилъ то, что хочу сказать. Про Пушкина принято говорить, и фраза эта даже опошлѣла: онъ былъ народный поэтъ. По временамъ, признаюсь, это выраженіе мнѣ казалось туманнымъ; я не вполне понималъ всю эту мысль, заключенную въ этихъ словахъ; когда я ближе узналъ Ѳедора Михайловича, мнѣ стало это выраженіе ясно какъ день именно въ немъ: только про Ѳедора Михайловича нельзя сказать, чтобы онъ былъ поэтъ народный, или писатель народный; то или другое было бы неполно, и невѣрно потому самому, онъ былъ именно человѣкъ народный; ибо въ совокупности его проявленій духовной жизни, а не въ одной писательской способности сказывалось его свойство быть народнымъ. Онъ и мыслитель былъ народный, и писатель народный, и художникъ народный; все его оригинальности, странности, и отъ нихъ вѣяло именно народнымъ. Короче: я всегда чувствовалъ и мыслилъ, что нельзя быть болѣе русскимъ человѣкомъ, чѣмъ былъ имъ Ѳедоръ Михайловичъ. Хочется привести примѣръ въ поясненіе этой мысли. У русскаго человѣка, на примѣръ, есть способность: хватать черезъ край. Ѳедоръ Михайловичъ до страсти любилъ проявлять въ себѣ эту осо-

бенность: онъ скажетъ мысль, она, какъ всякая мысль его, бывала рѣзка, оригинальна; но ему мало бывало этого: сейчасъ же онъ торопился ее подчеркнуть, ее усилить, хватить ею такъ, чтобы сразу, такъ сказать, поразить, ошеломить; но такъ какъ Ѳеодоръ Михайловичъ, въ то же время, былъ величайшій художникъ въ душѣ, то какъ хватить онъ мыслью, — такъ сейчасъ ярко передъ вами вспыхивало живописное освѣщеніе этой мысли. И выходило чудо, какъ хорошо. Я назвалъ знакомствомъ наши отношенія. Нѣтъ, это не вѣрно. Знакомымъ Ѳеодора Михайловича могъ быть только тотъ, кто не былъ его единомышленникъ; тотъ могъ, не раздѣля его мысли, любоваться его умомъ, и очаровываться его талантомъ. Наши отношенія были съ перваго же года именно дружбою. Скачекъ отъ знакомства къ дружбѣ совершился быстро и почти незамѣтно. Едва я познакомился съ нимъ, я живо помню, какъ вчера, зародившуюся въ душѣ потребность въ общеніи съ нимъ. Тутъ всевозможныя черты составили эту потребность: и ужасная честность его, и ужасная нравственность его, и ужасная вѣра въ цѣну и значеніе мысли, и ужасная энергія, и ужасная доброта, — тутъ все это высокое, цѣльное, дѣйственное, такъ сказать, стало страшно нужнымъ для моей мутной и дряблой натуры, не говоря уже о значеніи его ума, его знаній, его очаровательной оригинальности. Ежеминутно бывало стыдно за себя передъ нимъ, стыдно за мелочныя заботы, терзавшія душу передъ его ужасно великими и глубокими заботами о человѣкѣ, о Россіи, о будущности; стыдно за свое мечтаніе о себѣ, передъ этою крупною личностью человѣка, смиренно сторонящагося чуть ли не передъ ребенкомъ, чтобы никому собою не мѣшать, и ничего собою не отнимать, словомъ, — стыдно за все свое, передъ всѣмъ, что было его.

И все тянуло, и тянуло къ нему, что, впрочемъ, было болѣе чѣмъ понятно. Побывавъ съ нимъ часа два, помню разницу между при-

ходомъ къ нему и выходомъ къ нему. Придешь непременно чѣмъ либо недовольный, своимъ собственнымъ, чѣмъ либо унылымъ, чѣмъ либо не въ духѣ, кислымъ, раздосадованнымъ. Выйдешь, — и своего гадкаго и мелкаго «Я» не чувствуешь: нѣтъ его; бесѣда съ Ѳеодоромъ Михайловичемъ утнала его куда-то прочь далеко, и всецѣло поставила въ горячую и интересную бурю современной жизни, гдѣ некогда о себѣ думать, гдѣ вы существуете только какъ мысль, какъ чувство, какъ стремленіе, и вотъ выходишь отъ него бодрымъ смѣлымъ, вѣрующимъ, съ душою, охваченною порывами.

* *
*

Одинъ изъ такихъ порывовъ родилъ, или вѣрнѣе осуществилъ мой „Гражданинъ“, онъ явился на свѣтъ, какъ отвѣтъ на какую-то потребность. Про эту потребность много говорено было въ нашемъ маленькомъ кругу пріятелей, душою коего былъ Ѳеодоръ Михайловичъ: потребность въ органѣ говорящемъ то, что думается, то что чувствуется, и во что вѣрится.

Боже, что было пережито мученій въ этотъ годъ изданія журнала, почти никому не поправившагося; но, оглядываясь назадъ, говорю и другое: Боже, сколько было сладкихъ минутъ, и не очень буду далеко отъ истины если скажу, что главная доля сладкихъ минутъ приходила отъ Ѳеодора Михайловича. Его ни малѣйшимъ образомъ не смущали ни брань на меня, ни мои промахи, увлеченія и ошибки; его интересовала только главнѣйшая сторона дѣла: нравственная, выдержи-ли я задачу, останусь-ли твердъ знамени, устою-ли? Годъ прошелъ, выстоялъ, удержался и продержалъ. Вотъ тутъ-то и сказался весь Ѳеодоръ Михайловичъ въ крупности и цѣлости своей нравственной личности. У кого не бывали друзья и въ радостяхъ и въ горѣ, и кто не знаетъ ихъ цѣну? Придутъ, дадутъ совѣтъ, порадуются, погорюютъ, пожалуй и повздыхаютъ,

а больше и не проси. Крутенько пришлось сводить итоги первого года, как теперь помню: послѣдній мѣсяцъ; за собою воспоминанія ужасной ненависти, ужасной брани, доказательства недостатка сочувствія, убытки, и всякія напасти, а впереди—и того хуже...

Собрались мы въ нашъ тѣсный кружокъ. Я передалъ картину всего дѣла, какъ оно стояло. Ѳеодоръ Михайловичъ слушалъ, слушалъ внимательно, и затѣмъ въ заключеніе рѣшилъ, что мало желать дѣлу успѣха, мало желать его продолженія, мало говорить о немъ съ пріятелями, надо дѣло дѣлать и возьми, да и предложи себя самого въ редакторы.

Трудно передать, что я испыталъ въ эту минуту. Мнѣ показалось, что я однимъ прыжкомъ изъ ада прямо въ рай влетѣлъ.

Да и не я одинъ это испыталъ. Мы все, весь нашъ кружокъ это испыталъ. Какъ, думалось, Ѳеодоръ Михайловичъ, больной, ненавидящій срочную работу, Ѳеодоръ Михайловичъ, любимый тою самою публикою, которой не понравился „Гражданинъ“, Ѳеодоръ Михайловичъ, котораго не могла ни одна газетка затронуть иначе какъ съ хвалою,—Достоевскій словомъ простираетъ публично руку помощи оплеванному и изруганному князю Мещерскому—и изъ за чего-же, изъ за уваженія къ идеи, къ задачѣ, изъ дружбы, да не сонъ-ли это, дѣйствіе ли это разума, въ нашъ вѣкъ?

Да, для всякаго другого это было бы сномъ, или безразсуднымъ дѣйствіемъ. Но для Ѳеодора Михайловича это было самымъ простымъ, самымъ естественнымъ дѣломъ его необыкновенной, его неестественной для вѣка натуры. И какъ онъ взялся за дѣло просто, будто ни въ чемъ не бывало, точно за родное дѣтище. Какъ онъ тепло, радушно нянчился съ этимъ «Гражданиномъ», и какъ бодро онъ шелъ и шелъ съ нимъ впередъ, вѣря въ его смыслъ, вѣря въ его будущность! Никогда чело его не туманилось, никогда зло не искривляло его переполненнаго мыслями лицо, никогда онъ

ни себя, ни другимъ не позволялъ падать духомъ. И притязательный подписчикъ, и назойливый авторъ, и нескромный критикъ, и четвертый, и пятый, и десятый, все къ нему идутъ, все отъ него чего нибудь требуютъ, для всехъ онъ долженъ рваться на части, и все нипочемъ: со всеми любезенъ, ко всемъ добръ, снисходителенъ, терпѣливъ, кротокъ, и при этомъ онъ не знаетъ, что значить отдыхъ.

Помню, какъ онъ дѣтски радовался проявленію въ комъ нибудь зародыша таланта; помню, какъ онъ принимался ухаживать за этими первыми проявленіями таланта, какъ онъ поощрялъ, ободрялъ, журилъ, хвалилъ, ласкалъ, словомъ, какъ онъ всю душу свою влагалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было именно это сдѣлать, чтобъ проявить свое участіе. И такъ прошелъ годъ, годъ счастливый и славный для «Гражданина», ибо имя автора «Записокъ изъ Мертваго Дома» и «Преступленія и Наказанія» взяли верхъ надъ дружными усиліями петербургской періодической печати, уронить изданіе въ глазахъ общества, и третій годъ начался для «Гражданина» при несомнѣнныхъ доказательствахъ большаго сочувствія къ нему публики въ Россіи.

Но, увы, слишкомъ дорогою цѣною покупался этотъ несомнѣнный успѣхъ изданія, ставшаго, благодаря Ѳ. М. Достоевскому, органомъ мысли уже постояннымъ для извѣстнаго круга русскихъ умныхъ людей, сотрудничавшихъ въ изданіи, изъ уваженія къ его редактору. Здоровье Ѳеодора Михайловича, безъ того слабое, стало къ концу года несравненно хуже чѣмъ вначалѣ; срочность выхода, лѣто, проведенное въ Петербургѣ, хлопоты и заботы, а главное тотъ фактъ, что онъ всего себя отдалъ этому дѣлу, изъ любви къ его мысли,—все это обезсилило его до такой степени физически, что онъ принужденъ былъ оставить редакцію изданія.

Да и могъ ли онъ оставаться долѣе? Россія

не въ правѣ-ли была ему шепнуть на ухо то, что каждый изъ насъ чувствовалъ и говорилъ: „берегите ваши силы, и возьмите себѣ ваше время, оно, нужно, страшно нужно для Ѳедора Михайловича романиста“! Но и тутъ, когда пришлось, волею-неволею, оставлять поприще публициста и редактора, сказался весь Ѳедоръ Михайловичъ съ душою, не знавшей предѣла деликатности и добросовѣстности. Утомленный до изнеможенія, онъ не бросаетъ изданіе въ началѣ втораго года, зная, что изданіе нуждалось въ немъ въ это время въ особенности! Нѣтъ, онъ еще четыре мѣсяца, больной, изнуренный, утомленный, остается на своемъ мѣстѣ, и работаетъ для дѣла, забывъ снова себя, и снова отдавъ себя всецѣло.

Весною онъ *долженъ* былъ думать о своемъ здоровьи, и поѣхалъ лечиться.

* * *

Хорошее то было время, вспоминаемъ мы, проводившіе бранные останки Достоевскаго въ могилу, его друзья, этотъ золотой вѣкъ „Гражданина“, давшій намъ возможность насладиться *вполнѣ* пониманіемъ Ѳедора Михайловича Достоевскаго, какъ человѣка!

Это именно наслажденіе дано было немногимъ, въ то время!

Разставаясь съ нимъ въ ту пору, мы его рабочіе, мы испытывали странное и невеселое ощущеніе. Намъ казалось, что нѣтъ уже надъ нами яснаго, безоблачнаго неба, стало вдругъ холодно, и пасмурно сталъ ощущаться вѣтерокъ, нагонявшій тучки, и каждый изъ насъ почувствовавъ себя покинутымъ, въ тоже время немедленно почувствовалъ на себѣ бремя жизни, ставшее тяжелымъ!

Да, именно оно такъ и было!

Ѳедоръ Михайловичъ былъ не редакторомъ изданія, не хозяиномъ его, а душою дѣла, душою заговора писать какъ думаешь и чувствуешь, во славу не человѣческой, не людской, а Божіей и народной правды. Онъ освѣтилъ со-

бою путь, онъ грѣлъ насъ своею душою, онъ окрѣплялъ насъ своею неоскудѣвающею вѣрою.

Онъ любилъ не только дѣло, и насъ, его рабочихъ, нѣтъ, онъ любилъ еще нѣчто, чего мы боялись, что мы не могли любить, будучи слишкомъ слабыми; онъ любилъ препятствія къ достиженію цѣли, онъ любилъ слышать и видѣть вызовы къ борьбѣ въ стихіяхъ насъ окружавшихъ, онъ любилъ видѣть возстаніе передъ нимъ могучихъ идоловъ лжеправды вѣка, съ сонмами ихъ обожателей, и глядя имъ въ глаза, принимать отъ нихъ угрозы и знаменія битвы!

И перѣдко, когда мы, слабые духомъ, смущались отъ какой нибудь газетной на насъ облавы, что же радовало и ободряло, нашего дорогого учителя, и вождя? Что? Смѣшно сказать, думая о людяхъ вѣка сего: какое нибудь теплое, задушевное письмо на его имя изъ глуши захолустья одинакого юноши, со словами спасибо за благовѣсть любви Ѳедору Михайловичу, и съ вопросами души, требующими отвѣта.....

Вотъ на этой-то почвѣ родился новый человекъ въ Ѳедорѣ Михайловичѣ.

Объ этомъ до слѣдующаго раза.

Да, въ этомъ смыслѣ, годъ и четыре мѣсяца отданные Достоевскимъ „Гражданину“, не только не пропали даромъ, но открывъ новое широкое поприще дѣятельности для души Ѳ. М. Достоевскаго, имѣли глубокое вліяніе на него самого, и много, страшно много принесли пользы Россіи.

Кн. В. М.

(Продолж. слѣд.)

ИВАНЪ СЕРГѢВИЧЪ МАЛЬЦЕВЪ.

Въ концѣ прошлаго года въ Ниццѣ скончался дѣйствительный тайный совѣтникъ Иванъ Сергѣевичъ Мальцевъ. Ниже мы приводимъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* сказанное надъ гробомъ покойнаго прекрасное слово.

Независимо отъ сего, считаемъ долгомъ